

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

КТО ПРИСЛАЛ МНЕ ПИСЬМО?

ЛЮСИ ДОУСОН

Психологический триллер (АСТ)

Люси Доусон

Кто прислал мне письмо?

«АСТ»

2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Доусон Л.

Кто прислал мне письмо? / Л. Доусон — «АСТ»,
2016 — (Психологический триллер (АСТ))

ISBN 978-5-17-100308-1

Завтра Софи исполнится 40 лет. Однако она во многом до сих пор ведет себя как девочка: отправляясь спать одна, оставляет включенным свет в ванной и ложится так, чтобы видеть открытой дверь. В ночь накануне своего юбилея Софи внезапно просыпается в полной темноте и с ужасом обнаруживает прямо напротив кровати незнакомого человека. Он достает из кармана письмо и велит Софи вскрыть его в присутствии всех родных и друзей на праздновании своего дня рождения, ровно в восемь вечера. Иначе ее матери и сестрам грозит смертельная опасность! Мужчина исчезает так же внезапно, как и появился, а Софи охватывает настоящая паника. Может, это какая-то ошибка? Но на письме с безликой пломбой из красного сургуча напечатано ее имя, а незнакомец явно не шутил по поводу угрозы. И значит, ей придется выполнить его условие...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-100308-1

© Доусон Л., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Люси Доусон

Кто прислал мне письмо?

Посвящается Грейс и Генри

Серия «Психологический триллер»

Lucy Dawson
YOU SENT ME A LETTER

Перевод с английского *С. Алукард*
Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения United Agents LLP и The Van Lear Agency LLC.

© Lucy Dawson, 2016 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

Мой сон потревожен в двадцать минут третьего, среди ночи с пятницы на субботу.

Я сплю чутко, когда Марка нет рядом, слышу малейший шум на улице и всегда ложусь на кровати так, что прямо передо мной оказывается открытая дверь. К тому же оставляю включенным свет в ванной – только для того, чтобы видеть коридор. Мама говорит, что я вела себя совершенно нормально, пока в восемь лет не посмотрела у подружки по телевизору фильм «Женщина в белом». Теперь мне тридцать девять, и я до сих пор стараюсь не натолкнуться на какую-нибудь жуткую теледраму, когда ночью одна.

Резко проснувшись, я сажусь на постели и моргаю. В спальне темно. Сбитая с толку, я таращусь в темноту, лихорадочно ищу объяснение. Наверное, электричество отключилось, но, прежде чем могу предположить что-либо еще, я слышу негромкий щелчок, и на ковре, справа от гардероба, вспыхивает крохотное яркое солнце.

Я гляжу на кружок света, но, когда мои глаза начинают привыкать к темноте, замечаю прямо над ним большой незнакомый силуэт. Осматриваю его – и замираю.

Это человеческая фигура. В моей спальне кто-то есть, он сидит на низком стуле в углу и глядит на меня. Резко подняв мощный карманный фонарик, он направляет его ослепительный луч прямо мне в лицо.

– Не шевелитесь и не включайте свет, а также не пытайтесь дотянуться до телефона. Он у меня.

В подтверждение своих слов он приподнимает вверх мобильный. Пока я пытаюсь приглядеться, знакомая фотография моей племянницы – экранная заставка – на секунду вспыхивает вместе с полоской с надписью «разблокировать». Я успеваю различить металлическую оправу его очков и немигающие глаза, прежде чем телефон возвращается в режим ожидания, а одновременно с этим человек снова направляет луч фонарика вниз.

Это явно грабитель. Мне хочется кричать, но из широко открывшегося рта не вылетает ничего, кроме свиста на выдохе, будто меня прокололи и выпустили воздух. Стул скрипит, когда мужчина наклоняется вперед.

– Не надо, Софи.

Господи, он знает, как меня зовут! Из моего горла вырывается тихое бульканье.

– Тс-с-с, – негромко произносит он. – Вы же понимаете, что, когда люди слышат ночью чьи-то крики, они почти никогда не сообщают о них? Все считают, что это сделает кто-нибудь другой. В Новой Зеландии муж несколько часов забивал свою жену до смерти, и никто из соседей не позвонил в полицию.

Я не узнаю его голос. У меня в спальне сидит самоуверенный незнакомец, да так спокойно, словно он за ужином в фешенебельном ресторане. И делает он нечто подобное далеко не в первый раз. Но что именно он собирается сделать тут?

Половицы скрипят, когда он встает. А я отползаю назад, натолкнувшись на спинку кровати. Мне некуда бежать. Луч фонарика скользит по сторонам, когда незнакомец начинает приближаться ко мне. Он не очень высокого роста, но у него гибкое и худощавое тело, которое другие склонны недооценивать – пока не оказывается слишком поздно. Останавливается у комода, запускает руку в карман и достает оттуда конверт, после чего осторожно прислоняет его к зеркалу.

– Вы должны открыть его в присутствии своих родных и друзей на праздновании вашего дня рождения.

Я в ужасе таращу глаза. А об этом-то он откуда знает?

– Прочитайте текст под часами в холле гостиницы ровно в восемь вечера – не раньше. Мой клиент выдвинул также и другие условия. Вы не должны говорить ни одной живой

душе, что я появлялся у вас, и также не должны упоминать о существовании данного письма. Софи! – Он делает паузу. – Я все обязательно узнаю и найду вас. Даже и не думайте, чтобы не появляться завтра вечером в условленном месте!

Он делает два шага к кровати и сразу оказывается вплотную ко мне.

– Не люблю делать больно женщинам. С мужчинами все нормально – они в большинстве своем этого заслуживают. Но кому-то вроде вас, кто и понятия не имеет...

Мужчина протягивает руку и касается моих волос. Я чувствую, как у него от возбуждения дрожат пальцы. Он лжет – я не сомневаюсь, что этот тип получает удовольствие от своей работы и без колебаний изуверит меня. Он резко вскидывает фонарик, снова светя мне в глаза, а другой рукой вздергивает мой подбородок, чтобы получше разглядеть меня. На руках у него перчатки.

– Хорошенькая, – тихо произносит он. – Вы похожи на своих сестер... или они похожи на вас. Вы ведь самая старшая?

Я молча наблюдаю, как он лезет в карман и достает еще один мобильник.

– Это самая младшая сестра, Алиса, снято вчера. – Незнакомец подносит дисплей к моему лицу, и я тарашусь на фотографию, где Алиса держит в руках термос и сосредоточенно оглядывает оживленную улицу рядом со своим домом, прежде чем перейти на противоположную сторону. – Видите? Тут явно выраженное семейное сходство. А это Имоджен, отправляющая вашу племянницу в садик. – Он листает чуть дальше, и появляется Джен, сражающаяся с кодовым замком на двери, а другой рукой удерживающая ревущую Эви на сиденье машины. – А вот они возвращаются домой. Мне известно, где живут все ваши родные, Софи.

– Если вы с ними что-то сделаете... – шепчу я.

Он поднимает голову:

– Да, сделаю, Софи. Я о том и веду речь. Если обмолвитесь хоть одним словом, Алиса проснется и увидит меня стоящим над ней, как вы сейчас. Затем я отправлюсь к Имоджен – ее муж частенько допоздна задерживается на работе, верно? А закончу свои визиты у вашей мамы. – Он снова убирает мобильник в карман. – Стану следить за вами до восьми вечера завтрашнего дня. Делайте в точности то, что я сказал, и вам не придется ни о чем жалеть.

Мужчина вдруг выключает фонарик, и я чувствую, как он выпрямляется.

– С днем рождения. Жизнь, как говорят, начинается в сорок лет.

Я лежу совершенно неподвижно в наступившем тягостном безмолвии, широко раскрыв глаза в темноте и едва осмеливаясь дышать. Он ушел из спальни или нет? Я не слышу ни скрипа ступенек, ни стука входной двери. Проходит, наверное, еще минут пять, прежде чем я дрожащими пальцами тянусь к лампе и включаю ее. Я одна. Письмо на прежнем месте, а мой мобильный исчез. Вот и результат того, что я всегда держала его на прикроватной тумбочке на случай всяких неожиданностей. Наверное, незнакомец забрал его, нависая надо мной, пока я спала. Я снова прислушиваюсь, но в доме не раздается ни звука.

Откинув одеяло и поежившись, когда холодный воздух овеивает мои голые ноги, я вынырываю из постели и хватаю самый обыкновенный конверт из кремовой бумаги. На нем аккуратно напечатаны мои имя и фамилия: Софи Гарденер. Переворачиваю его. Он запечатан пломбой из красного сургуча. Больше ничего, никаких зацепок. Это явно какая-то ошибка. Но какая же ошибка, когда письмо адресовано мне? И человек знал, что я окажусь дома одна. Кто-то сказал ему, что Марк в отъезде. Мой клиент? Кто-то его сюда послал?

Я в ужасе разжимаю пальцы, и письмо падает на пол. Опустившись на колени и шаря под кроватью в поисках сумочки, нахожу ее и вытаскиваю оттуда, после чего бросаюсь к гардеробу. Распахнув дверь, снимаю с вешалки топик, едва на него взглянув, стягиваю пару вельветовых брюк, пока они не оказываются у меня в руках. Я сворачиваю их и засовываю

в сумку, после чего, старательно обходя письмо, пробираюсь к ящику с нижним бельем, быстро открываю его и хватаю пару трусиков. Сунув их в сумку вместе с висевшим на стуле лифчиком, я надеваю поверх пижамы джемпер и натягиваю носки. Замираю в нерешительности, не желая снова прикоснуться к письму, но потом бросаюсь вперед, резким движением засовываю его в сумку, прежде чем выбежать из комнаты. Не выключаю свет, чтобы не останавливаться.

Задержавшись на верхней ступеньке и вглядываясь в темный и безмолвный внизу холл, я делаю глубокий вдох и, словно ныряя в ледяную воду, кубарем скатываюсь вниз по лестнице. Там, у входной двери, ухватившись одной рукой за щеколду, я натягиваю сапоги, срываю с крючка пальто и, не смея оглянуться назад, дрожащей рукой нащупываю все так же торчащие в замке ключи.

Распахнув дверь, я выбегаю в холодную ночь. Где-то вдалеке лает соседская собака. Я несусь по подъездной дорожке, на ходу щелкая коробочкой с ключом, чтобы открыть машину. Но погоди-ка – а может, он ждет от меня именно этого? А если незнакомец уже у меня в машине, скорчившись на полу перед задними сиденьями, и поджидает, пока я, ничего не подозревая, сяду за руль и уеду?

Я резко выдыхаю и хватаюсь за ручку водительской двери. Чувствуя, что вот-вот грохнусь в обморок, распахиваю ее. Включается освещение в салоне: передние сиденья пусты. Я обхожу машину, осматривая теперь уже освещенные задние сиденья – ничего. Выпрямляюсь и смотрю на багажник. Там не так-то уж мало места. Кто-то мог туда залезть. Закусив губу, я тянусь к защелке и открываю ее, отпрянув назад, словно оттуда должен выпрыгнуть чертик, как из табакерки, но этого не происходит. В багажнике лишь свернутый дождевик Марка, пустая емкость из-под масла, которую я все никак не выброшу, и полосатый щит от ветра.

Захлопнув крышку багажника, я бросаюсь к водительской двери, сажусь в салон и включаю двигатель. Начинают бешено работать «дворники» – я не смогла их выключить в последний раз, когда выходила из машины, – а ветровое стекло запотело, но все же я почти вслепую выруливаю на дорогу. Лихорадочно дергая переключатель скоростей, словно я совершенно забыла, как водить автомобиль, – Марка бы перекосило от подобных звуков, – я включаю вентилятор и выключаю «дворники». Скорчиваюсь за рулем, будто старуха, чтобы видеть сквозь самый низ запотевшего ветрового стекла. Когда конденсат исчезает, мне удается выровнять машину на приемлемой скорости, чтобы ехать к Алисе. По всему салону рассыпано содержимое моей сумочки. Письмо лежит на коврике, и я вижу его краем глаза. Сглатываю. Кто-то вломился ко мне в дом. Он нависал прямо надо мной. Меня начинает трясти, и я в полном недоумении еще крепче цепляюсь за руль. Мой клиент?

Есть только один человек, который сильно ненавидит меня, чтобы решиться на такое.

Глава 2

Я никогда не встречалась с Клодин – бывшей женой Марка, а только видела ее на фотографиях. Изабель как-то показала мне одно изображение, когда я впервые увидела ее в квартире Марка.

– Это моя мама, – сказала она на четком английском, посмотрев на меня немигающим взглядом, когда передавала мне фото, которое осторожно достала из рюкзака.

– Она очень красивая, – призналась я, глядя на взрослую версию сидевшего передо мной ребенка.

Худенькая, небольшого роста брюнетка с ослепительно-белыми зубами, она стояла чуть позади Марка, крепко обняв его, на фоне чего-то похожего на балкон отеля. Фотографировались они явно в отпуске: оба немного загорели, а Марк – сидевший за столом – широко улыбался, в белой рубашке с короткими рукавами и светло-серых парусиновых брюках. К тому же он держал в руке сигарету. Марк курит только в жарких странах. Я уже подначивала его по этому поводу, на что он печально пожал плечами, словно знал, насколько это глупо, но что поделать? Руки Клодин лежали у него на груди, пальцы растопырены, ногти покрашены алым лаком, обручальное и огромное кольцо в честь помолвки отражают отблеск фотовспышки. Рядом с Марком на столе стояла почти допитая бутылка вина, в кадр попала чья-то рука, тянувшаяся за бокалом, а полуголые Изабель и Оливье корчили смешные рожицы на заднем фоне. Портрет счастливого семейства. На мгновение мне в голову пришла мысль, что Клодин специально велела Изабель показать именно это фото, но я отбросила ее как идиотскую.

Разумеется, это происходило в самые первые дни нашего знакомства, до того, как я поняла, что Клодин делает почти все по расчету.

– А вы останетесь здесь ночевать? – Изабель смотрела на меня со своей «снайперской» позиции на верхнем ярусе. Она напоминала настороженного котенка и сидела, скрестив ноги, на простыне с цветочным узором под мигающей гирляндой из лампочек, подвешенной на гардине специально для нее.

– Нет, – улыбнулась я. – Ты останешься там, а Оливье, полагаю, устроится на нижней палубе. – Я указала на свежестеленное одеяло с пиратским узором на нижнем ярусе. – А мне места нет!

– Я не хочу спать рядом с Оливье. Я хочу в свою комнату дома. – Изабель сглотнула, вдруг сделавшись меньше для своих восьми лет, и я машинально шагнула вперед, чтобы взять ее за руку. Наверное, она чувствовала себя ужасно: притащили сюда из Франции и заставили знакомиться с какой-то случайной женщиной, которая была ей совершенно безразлична. И вполне понятно, что Изабель отшатнулась от меня. Я лишь осторожно передала ей фотографию, положив ее на одеяло прямо перед ней.

– Мне очень хотелось познакомиться с тобой, Изабель. Мы славно повеселимся, пока ты в Англии.

Она молча взяла фотографию и с яростью поглядела на нее. В глазах мелькнули слезы. Вошел Марк, неся на спине Оливье, который крепко обнимал отца за шею, доверчиво положив ему голову на плечо. Однако при виде маленькой дочери счастливая улыбка исчезла с лица Марка.

– Что такое, Иззи?

Она что-то ответила по-французски. Марк быстро посмотрел на меня и произнес:

– Если так удобнее, можно разместить тебя внизу. Не хочешь – не надо, но запомни: здесь мы говорим по-английски.

Изабель подняла голову и буквально впилась в меня взглядом:

– Это чтобы она понимала.

Пораженная прозвучавшей в ее голосе враждебностью, я все-таки смогла виновато улыбнуться и пожала плечами.

– Нет, не только поэтому, – промолвил Марк. – Сейчас мы в Англии.

У нее задрожала нижняя губа, и она что-то прибавила по-французски. Марк нагнулся, осторожно опустив Оливье, и, выпрямившись, раскрыл объятия Изабель, которая неуклюже переползла в них, словно медведь коала.

– Потому что Софи – моя подруга.

Изабель покосилась на меня с едва скрываемой неприязнью, а я напонила себе, как все предупреждали меня, что первое знакомство дается нелегко. Никаких личных обид, просто мне надо дать детишкам время. Позднее, вечером, когда их наконец-то уложили спать (Изабель на нижнем ярусе), Марк достал из холодильника бутылку вина, подошел ко мне и поцеловал.

– Ты вела себя прекрасно. Тебе нужно запомнить одну вещь, Софи: я понятия не имею, что Клодин говорит детям, когда меня там нет. Допускаю, что она выкладывает им множество гнусных суждений вроде: «Мы могли бы жить все вместе, но папе теперь хочется быть лишь с Софи». Она едва ли пожелает смириться с правдой. И, если честно, я не хочу, чтобы они узнали, что произошло на самом деле, пока не подрастут, – или вообще что-либо узнали бы.

На первом свидании Марк сказал мне, что не живет вместе с женой, с которой когда-то познакомился в Париже, приехав туда на стажировку от корпоративной юридической фирмы со штаб-квартирой в Лондоне, где он работал.

– По-моему, она не понимала, что меня направили в Париж лишь потому, что я говорю по-французски, а вовсе не оттого, что я какая-то важная шишка в юриспруденции, – пошутил он. Потом, после паузы, добавил: – Сейчас мы в процессе развода.

Я улыбнулась, но у меня сжалось сердце, когда я потянулась к своему бокалу с вином, гадая, что же Марк натворил.

– Она спала с кем-то еще, – тихо произнес он, будто читая мои мысли. – Клодин забеременела всего через четыре месяца после нашего знакомства. Когда у меня родилась дочь Изабель, мы уже поженились, у нас был дом, а Клодин вскоре после этого снова начала работать. – Марк потянулся за хлебом. – Мой сын, Оливье, появился на свет через год, а следующие несколько лет мы провели в каком-то бессонном тумане. Маленькие дети могут стать испытанием самых сильных и прочных отношений, но лишь когда ребята немного подросли, мы осознали, что у нас не осталось ничего общего, что могло бы нас связывать. Вообще-то мы много ругались... Клодин весьма несдержанная особа. Однажды на Рождество она заехала ко мне на работу и там познакомилась с Жюльеном, управляющим партнером моей фирмы. – Он пожал плечами. – Когда их связь наконец открылась – о ней мне рассказала жена Жюльена, – я съехал из дома. Это произошло в прошлом году. Мне хотелось остаться в Париже и находиться рядом с детьми, но на фирме мне ясно дали понять: Жюльен настаивает, чтобы меня перевели обратно в Лондон. Мол, моя работа являлась лишь «стажировкой». Это случилось примерно после семи лет службы, однако... – Марк поднял брови. – С командой юристов лучше не спорить. Мне оставалось или вернуться в Лондон, или лишиться работы, а я не мог себе позволить раскачивать лодку, ведь у меня есть обязательства перед детьми. Хотя, если честно, Клодин зарабатывает гораздо больше меня.

– Мне жаль, – сказала я.

На самом деле я извинялась за то, что приняла его за виновную сторону, но он не так меня понял.

– В Париже я чувствовал себя великолепно, – продолжил Марк. – Влюбился, и в доказательство этого у меня есть двое чудесных малышей. Проблема в том, что теперь я не могу находиться с ними столько, сколько мне хочется. Клодин по работе часто в разъездах, и порой, когда я говорю с ребятами, они снова у бабушки, или же спать их укладывает няня, или, что хуже всего, они у Жюльена, отчего у меня сердце кровью обливается.

Он говорил сжато и без жалости к себе, однако во время возникшей паузы я машинально протянула руку через стол и на мгновение сжала его ладонь – прежде чем сама осознала, что делаю. Марк удивился моему прикосновению, и я покраснела, быстро убрав руку.

– Теперь моя очередь извиняться, – промолвил он. – Пожалуйста, не думай, будто я тут ищу сочувствия.

– Я и не думаю.

Марк поерзал на стуле.

– Я просто не хотел скрывать факт, что у меня присутствует некое... обременение... в том смысле, что формально я еще женат.

– Ценю твою искренность.

– В таком случае я, конечно же, не хочу распространяться об этом дальше. Все это в прошлом, а теперь все к лучшему.

– Ну что ж, прекрасно, – медленно произнесла я.

Он закрыл глаза, чуть съежился и рассмеялся:

– Ну вот, а теперь я об этом речь завел. Господи, у меня это совсем перестало получаться. Вот почему мои друзья настоятельно советуют мне знакомиться вслепую. Так... – Марк вытащил из кармана мобильник. – Воспользоваться для экстренного звонка тому, что тебя страхует.

Я пару секунд внимательно рассматривала его, а потом широко улыбнулась.

– Я не знаю, о чем это ты, – ответила я, хотя моя лучшая подруга Лу на всякий случай «стояла на стреме» и была готова вмешаться, если бы что-то пошло не так.

Именно Лу настояла, чтобы я поужинала с Марком, став за чашкой кофе с ним моей «дуэньей».

– О господи! – повернулась она ко мне в ту же секунду, как Марк с виноватым видом извинился, что ему нужно принять звонок от клиента. – Если ты не отправишься с ним ужинать, то пойду я.

– Ты замужем!

– Ну и что? – Она посмотрела в окно на Марка, оживленно говорившего по телефону. – Ради него я уйду от Рича. И от детей тоже – мне безразлично. Марк может поддержать интересную беседу, он явно со средствами, у него хорошая работа – и он, совершенно очевидно, ходит в спортзал. Полный набор. – Я хихикнула, а Лу закатила глаза. – Не дури. По-моему, это реальный шанс, Софи.

Я замялась и поглядела на Марка в окно кофейни. Он еще говорил по телефону.

– Похоже, парень он ничего себе, однако...

– О господи! – простонала Лу, изображая, будто бьется головой об стол, а потом вознесла руки к небу. – Вот бог там сейчас просто кричит: «Что еще мне нужно сделать, женщина? Я послал его к самому твоему порогу».

– Давай на секунду остановимся и припомним именно это. Он незнакомый человек, который появился на моем пороге позавчера вечером, вручив мне листовку, потому что он хочет купить мой дом, – со значением заметила я.

– Марк не поэтому пригласил тебя на свидание, – издевательски усмехнулась она. – Раздача листовок – разумная тактика. Теперь множество людей обходят стороной агентства недвижимости и напрямую контактируют с потенциальными продавцами. В любом случае

Марк быстро забыл о доме, когда ты открыла ему дверь. Что он сказал, пригласив тебя на ужин?

– «Это может стать одним из тех судьбоносных моментов, о которых, если ими не воспользуемся, мы станем потом жалеть», – нерешительно повторила я.

– Великолепно сказано, – одобрительно кивнула Лу, словно мысленно ставила плюс в какой-то из своих таблиц.

– А тебе не кажется, что тут что-то не так? – спросила я, взяв свою чашку. – Теперешнее положение вещей меня полностью устраивает, и мне не нужны никакие осложнения.

– Вы с Джошем расстались четыре года назад.

– Перестань! Я столько раз с тех пор ходила на свидания! Сама знаешь. – Я отхлебнула кофе. – Ты так говоришь, словно Джош умер.

– А хотелось бы, – усмехнулась Лу. – Слушай, это всего лишь ужин. Поживи хоть чуть-чуть. Есть огромная разница между прагматичностью и рискованностью.

– А ты новости не читаешь? Он же может оказаться психом. Постоянно видишь и слышишь: мужчины домогаются женщин в онлайн, выдавая себя совсем за других...

– Или же он может быть просто нормальным парнем, пытающимся кого-нибудь куда-то пригласить. Жаль мне нынешних мужчин. Их проклинают, если они что-то делают, и проклинают, если они чего-то не делают. Бедняга-парень пытается сказать тебе нечто туманно-романтическое, а ты сразу записываешь его в серийные убийцы. Софи, нельзя всю жизнь прожить в страхе.

Я снова поглядела на Марка.

– Он не лишен привлекательности... но в чем фишка-то?

Лу вздохнула:

– Вот об этом-то я тебе и толкую. Фишка попадается необязательно всегда, Софи. Множество мужчин – просто хорошие и веселые. Тебе, к сожалению, такие еще не встречались. – Зазвонил телефон, Лу взглянула на него и тихонько охнула: – Рич забыл, что я велела дать детям на обед. Проку от него вообще никакого. Слушай, я серьезно: если ты не отправишься на ужин с Марком, то пойду я.

Вот только, разумеется, к ней он не вернулся.

Рано утром Марк появился у моего порога после массивной бомбежки Клодин на тему «Хочу, чтобы ты вернулся».

Совершенно сбита с толку, я стояла в дверях в одной пижаме и тарасилась на него – отчасти потому, что еще и онемела от ужаса при мысли, что Марк впервые видел меня без макияжа.

– Я всю ночь не спал и много чего передумал. Я не хочу терять тебя, Софи, – начал он, не удосужившись поздороваться. – Ты права, у нас все только начинается, но мне вполне этого хватило, чтобы понять: ты мне нравишься. Очень нравишься. – Марк воздел глаза к небу и смущенно рассмеялся. – Господи, я говорю, как пятнадцатилетний юнец... Послушай, я очень люблю своих детей и остаюсь им хорошим отцом... – Его голос дрогнул. – Но это все потому, что я старался попасть туда, где перестал огорчаться из-за того, что моя жена сделала с нашей семьей, и перестал навязчиво думать о том, что я... мы... смогли бы сделать по-другому. Мне нет пути назад, ведь я обязан оберегать Изабель и Оливье, обеспечивать им стабильность и свое внимание, а лучший способ для меня этого достичь – не находиться рядом с Клодин. Слишком поздно. Я не хочу быть с ней, я хочу быть с тобой.

Такая искренность и откровенность меня потрясли. Моя система координат еще базировалась на девяти годах, прожитых с Джошем, который лишь однажды признался мне в любви, да и то по пьяни. На людях он называл меня «дружище». Лу объяснила, что Джош

– эмоционально зажатый тип. Я об этом даже не подумала. Просто отступила в сторону и улыбнулась Марку трясущимися губами:

– Лучше зайди в дом.

Сожалею ли я о том решении? Нет. Если бы Клодин не существовала, я уверена, что у нас не возникло бы никаких проблем. Однако она существовала, и их брак разрушился не из-за того, что Клодин с кем-то спала, а потому, что появилась я. С того самого момента, когда Клодин осознала, что Марк все-таки не позволит мне выйти из игры, она из кожи вон лезла, чтобы постараться убедить его, что именно они созданы друг для друга, и он в итоге в этом сам убедится. Попытки предпринимались иногда на трезвую голову, порой на очень нетрезвую, временами в слезах, зачастую – с криками.

Типичный телефонный звонок состоял всегда из того, что она распаляется так, что я слышу ее с другого конца комнаты, а Марк повторяет фразы вроде «Я этого делать не собираюсь» или «Этого не произойдет». Клодин упрасивает и умоляет, затем злится и впадает в депрессию. Поразительно, сколько всего можно узнать из разговора, который понимаешь меньше чем наполовину, лишь по интонации.

Как только Марк сообщил ей, что хочет познакомить со мной детей, Клодин отбросила всякие церемонии. Она «потеряла» их паспорта. Это подразумевало, что Марку пришлось бросить все и по первому зову мчаться в Париж. В другой раз они «слишком плохо себя чувствовали», чтобы ехать в Англию, а когда у нее вышел весь запас отговорок, она заявила, что в очередной раз намеревается оспорить какой-то пункт в уже до последней степени затянувшимся бракоразводном процессе. Дело якобы касалось финансовых вопросов, но в действительности все затевалось оттого, что Клодин знала: пока они с Марком официально остаются супругами, наши с ним отношения находятся в подвешенном состоянии. Не отрицаю, это стало для нас суровым испытанием, поскольку она нависала над моим счастьем, словно жуткая черная ворона.

Два месяца назад мы на некоторое время расставались – я нервно ерзаю на сиденье, переключая скорость, чтобы повернуть за угол, и решительно не желаю думать об этом, – но нам как-то удалось это пережить. Я считала, что Клодин взвьется до потолка, когда Марк сказал ей, что мы снова вместе и в довершение ко всему обручились, однако она как-то странно притихла.

– Возможно, Клодин наконец-то все поняла, – с надеждой произнес Марк. – Она должна осознать, что никогда не получит того, что желает. Думаю, существует реальный шанс, что Клодин сдастся и все-таки согласится на развод.

Но теперь-то я понимаю, что она лишь готовилась к этому. Клодин помнила, что завтра мне исполняется сорок лет. Мы спрашивали ее, смогут ли дети приехать на торжество, а она сказала «нет» – на выходные у них уже свои «планы», и у детей нет ни малейшего желания что-то там со мной праздновать.

– «Дети ненавидят Софи», – скептически процитировал ее Марк. – Она так и заявила.

– Да, – вздохнула я. – Сильно сказано.

– Эй! Ничего такого нет. – Марк притянул меня к себе. – Ты же знаешь, что дети не такие – просто Клодин стерва. Я еще раз с ней поговорю, когда она успокоится.

Вот только этого, кажется, никогда не случится. Клодин способна лишь на крайние меры. Эта женщина, которую я никогда не видела, похоже, полна решимости наказать меня за что-то, чего я не совершала. Я не разбивала ей жизнь – она сама ее себе разбила. Как бы ни был печален результат, что муж к ней не вернется, ее настолько сильно продолжают грызть ревность и ненависть, что единственным желанием стало причинить мне боль.

Я вспоминаю того человека в моей спальне, который касался моих волос и шепотом угрожал, и меня начинает трясти. Хочется побыстрее доехать до сестры и убедиться, что с

ней все хорошо, – незнакомец сказал, что сначала отправится туда. Я просто не могу поверить, что даже Клодин могла решиться на подобный безумный шаг. Я с ужасом бросаю взгляд на конверт, теперь болтающийся в небольшом углублении для ног.

До настоящего момента Клодин ни разу не пыталась связаться со мной напрямую. Что она может мне такого сказать, что способна высказать лишь в присутствии самых горячо любимых мной людей?

Глава 3

Я названиваю в квартиру Алисы, прижав большой палец к кнопке звонка, пока, слава богу, с хрипом и треском не откликается замызганный пластиковый домофон.

– Да уходите вы, прошу вас, – раздается усталый голос моей сестры. – В последний раз говорю вам, чтобы звонили в квартиру на первом этаже, понятно?

– Алиса, это я!

– Софи?

Щелкает дверной замок, и я пробираюсь внутрь мимо валяющейся на полу кучки рекламных листовок меню из пиццерии, стараясь не завалить велосипед, который оставили в холле. Ступеньки в доме викторианской постройки немилосердно скрипят, пока я пытаюсь тихонько подняться по лестнице, хотя из-под двери квартиры чует, что живет прямо под Алисой, пробивается свет и звучит негромкая музыка. Смотрю на часы – двадцать минут четвертого ночи. Чуждой распорядок жизни других людей кажется сюрреалистичным и еще сильнее действует мне на нервы.

Моя сестра стоит на верхней ступеньке в майке на тонких бретельках, скрестив руки на груди без лифчика, и в полосатых пижамных штанах. Длинные темные волосы растрепаны, а под глазами виднеются огромные размытые туши для ресниц. Алиса никогда не смывает макияж перед сном.

– Что случилось? – взволнованно спрашивает она, как только я одолеваю лестницу. – Что-нибудь с мамой... с папой? Или с Имоджен и Эви?

– Нет, нет. – Я испытываю такое облегчение, увидев сестру целой и невредимой, что мне хочется обнять ее, но я сдерживаюсь. – Ничего такого. Все нормально. Можно войти?

– Да, конечно, – ошеломленно отвечает Алиса и отступает в сторону, глядя на мою сумку с вещами, когда я прохожу мимо нее и ставлю ее на ковер. Она выжидающе смотрит на меня.

– Я поцапалась с Марком, – лгу я, желая защитить ее, лишь представив, как человек, вломившийся ко мне в спальню, медленно подходит к моей младшей сестре в своих черных перчатках.

– Правда? У тебя такой вид, словно ты выяснила, что завтра тебе исполняется пятьдесят, а не сорок. Ой, только уже сегодня! С днем рождения!

– Спасибо.

– И из-за чего же вы поцапались? Я-то думала, что Марк сегодня вечером в командировке?

– Ну да. – Я стараюсь лихорадочно что-то сообразить. – Мы по телефону поругались. А ты откуда знаешь, что он в отъезде?

– Мне мама сказала. Марк переживал, что ты проснешься одна в день рождения, и попросил маму сделать тебе сюрприз: приехать утром и устроить завтрак с шампанским. – Алиса зевает. – Поставь себе органайзер, чтобы утром отправить ей сообщение, иначе ее удар хватит, если тебя не окажется дома. Я так чувствую, ты надолго? – Она кивает на мою сумку.

– Да, если можно. Это ничего?

– Разумеется. Дай мне только джемпер надеть, а потом я вам чайку сделаю.

– Не ко времени ты обо всем этом говоришь.

Алиса отводит взгляд, взмахнув рукой:

– Не дури. Господи, как же холодно! Я сейчас вернусь, и ты мне расскажешь, что случилось. – Она вздрагивает и шаркающей походкой выходит из комнаты.

– А может, ты поставишь органайзер, чтобы маме черкнуть? – говорю я ей вслед. – Я не смогу. – Я снова делаю паузу, пытаюсь сообразить, как объяснить факт, что незнакомец, знающий мое имя, примерно час назад украл из моей спальни мобильник, лежавший прямо у меня под носом. – Я телефон потеряла.

– По-моему, ты сказала, что вы разругались по телефону? – Алиса появляется в старом папином джемпере.

– Господи! – едва не взрываюсь я, а на ее лице появляется удивление. – Ну, хорошо, я его не теряла. Швырнула об стену, и он сломался.

– Вот именно. Не переживай. Мы все это проходили. Он что, совсем в хлам?

– Лучше сказать, что им совсем нельзя пользоваться.

Алиса присаживается на диван.

– У меня, наверное, где-нибудь завалялся старый аппарат, которым ты сможешь воспользоваться. Ты сим-карту привезла?

– Нет.

Она удивленно таращится на меня:

– Что-то совсем странно. У тебя круглая дата, а если тебе кто-нибудь позвонит? Хотя ты в любом случае увидишь всех потом на банкете, а Марку я скажу, что ты телефон посеяла.

– Спасибо.

Мне сразу приходит в голову, что, наверное, именно поэтому Клодин похитила у меня телефон: чтобы в преддверии вечера до предела ограничить мои контакты с людьми и внешним миром. Надо бы позвонить в сотовую компанию и заблокировать номер, но как я это объясню Алисе? В любом случае работают ли у них в техподдержке операторы в три часа ночи? Придется воспользоваться телефоном сестры, чтобы позвонить им с утра пораньше.

Алиса вдруг выгибает шею, к чему-то прислушиваясь, и я в ужасе напрягаюсь:

– Что такое?

– Чайник вскипел. – Она встает, оглядывается и подхватывает пару кружек. – Я их сейчас быстренько сполосну.

Я медленно выдыхаю, стараясь успокоиться. Но все, что я вижу внутренним взором – фотография сестры в телефоне того человека, где она беззаботно переходит улицу, и фотка Имоджен и Эви.

Алиса возвращается с двумя кружками в руках, одну из которых протягивает мне, прежде чем усесться на диван напротив меня и скрестить ноги в позе лотоса. Я собираюсь отхлебнуть чаю и замечаю бурый кружок сразу под дымящейся жидкостью. Торопливо делаю вид, будто мне надо на нее подуть, а потом опускаю кружку на приставной столик. Сестра бросает на меня сердитый взгляд:

– Я ее не облизывала, а споласкивала водой. Она чистая. Пей.

Я чуть мешкаю, но снова беру кружку.

– Значит, ссора выдалась серьезной, раз ты швырнула телефон об стену и примчалась сюда в три часа ночи. – Она отхлебывает чай и глотает. – Типа скандала на тему «Между нами все кончено»?

– Нет, не совсем так.

– Всего два месяца назад ты была убеждена, что не можешь больше выносить эту Клодин. А потом вдруг ни с того ни с сего Марк сделал тебе предложение, ты ответила «да», и с тех пор все хорошо.

– Если честно, мы...

– Нет, не верю тебе! Ты ведь не перевела в очередной раз стрелки на другого? Уверена, что хочешь быть с ним?

Я недоуменно таращусь на нее, сбита с толку этим импровизированным вопросом, основанным на вымышленном аргументе. И вдруг, под натиском событий последнего часа,

поняв, что оказалась в ловушке с человеком, который мог убить меня прямо там, в доме, я начинаю реветь.

– Вот черт! Ой, Софи! – Алиса ставит свою кружку, второпях опрокидывая ее на ковер, переползает по дивану ко мне и крепко обнимает меня за трясущиеся плечи. – Тихо, все хорошо. Объясни, что случилось?

– Не надо. – Я отстраняюсь от нее. Слишком это опасно. Тот человек в моей спальне слов на ветер не бросает. – Ничего особенного, честное слово.

– Ерунда.

Сестра скажет мне позвонить в полицию, мол, там меня защитят, а потом нам придется спорить о том факте, что все считают, будто в подобных случаях срабатывает система: ты набираешь 999, и сразу приходит помощь, дело раскручивается... А в действительности ничего подобного не происходит. Всем нам просто чертовски везет, что в 95 процентах случаев 95 процентов людей не решаются преступить закон.

– Софи, расскажи мне все. Иначе я не смогу тебе помочь. – Моя красавица сестренка смотрит на меня серьезно и встревоженно.

– Извини, – шепчу я, вытирая мокрый нос.

– Марк сказал нечто такое, что вывело тебя из себя?

– Нет. Он замечательный. Это я... – Я закрываю глаза. – Я его недостойна, Алиса.

– Не дури! Ты ведешь себя просто по-ангельски...

– Нет. Вовсе нет! – перебиваю я, снова начиная нервничать. – Ты ничего не понимаешь! – Перед глазами у меня мелькают разрозненные кадры: туманные очертания переплетенных конечностей в сопровождении театральных охов и стонов, от которых тошнит. – Я... изменила Марку.

– Что? – Она ошеломленно таращится на меня. – Когда?

Я поднимаю голову в ужасе от того, что сказала. Мой мозг теперь словно вываливает все тайны из-за страшной перегрузки, поскольку он может вместить лишь чудовищность случившегося час назад.

– Только никому не рассказывай! – умоляю я. – Не надо мне было ничего говорить. Это случилось за день до того, как Марк сделал мне предложение.

– Ладно, – кивает Алиса. – Ну, тогда вы еще находились в разладе, так что ты никому не изменяла.

Я устало вытираю глаза. Мне не хочется вести себя с ней снисходительно, но это лишь особенность взаимоотношений Росса и Рейчел из сериала «Друзья». В реальной же жизни – как бы, по ее мнению, отреагировал Марк, если бы, протянув мне обручальное кольцо, услышал от меня: «Да! Я выйду за тебя замуж, но прошлой ночью занималась сексом с другим. Это же пустяки, верно?»

– Софи, – вдруг произносит сестра. – Ты ведь не поэтому сказала «да», когда он сделал тебе предложение? Тебя мучила совесть из-за того, что совершила накануне вечером?

– Нет, – отвечаю я. Затем следует пауза... И, к своему, как, впрочем, и к ее удивлению, добавляю: – Нет, не думаю.

– О господи... Ты ведь больше не связываешься с тем парнем?

Я гляжу в пол и шепчу:

– Мы с ним поддерживаем контакт с того времени, как это произошло.

– Лучше расскажи-ка мне, что именно случилось.

Глава 4

В половине шестого вечера я выключила компьютер и посмотрела в большое, незашторенное окно офиса на освещенный жилой дом напротив. Люди уже возвращались домой, и я поняла, что у меня просто не осталось сил на спортзал. Я знала, что идти туда надо: не хотелось возвращаться в пустой дом, но Марк не освободился бы по крайней мере до восьми, будь мы еще вместе, так что мне пришлось бы идти домой одной.

– Хватит! – простонала Надя, одна из моих коллег, и потянулась. – Господи, что за неделька выдалась. Сегодня налью себе самый большой в мире бокал вина. Джуд заваривает чай и укладывает Лили спать, так что я свободна – на целый вечер! А что у тебя в планах на вечер пятницы, Софи?

– Спортзал, а потом ужин.

– Марк ведет тебя в какое-нибудь милое местечко? – Она достала из стола косметичку.

Я не смогла заставить себя рассказать сотрудникам на работе, что мы разошлись. Уже заранее видела жалость на их лицах и знала, что они сразу подумают: «Бедняжка, вот и исчез ее последний шанс завести ребенка...» Существуют намеки, которых одинокие женщины, пересекшие определенный возрастной рубеж, просто не в силах избежать.

– Вообще-то я поужинаю дома. Марк... в отъезде.

– Что? – Надя наморщила нос, глядясь в зеркальце. – Наплюй на это. Пошли лучше в паб! Бен сегодня проставляется. Пойдем, пойдем, будет весело!

Я задумалась. Прочитала напоминание в электронной почте, но не была уверена, что мне понравится провести шумный вечер в баре на вечеринке в честь какого-то парня, с которым лишь здоровалась. Правда, я ни от кого не зависела. Мне нужно выбирать на люди и хоть что-то делать. Если бы я это запланировала, то пошла бы, но теперь мне стало труднее поддерживать экспромты друзей. Они случались во время чаепития или когда я возвращалась из бассейна, с балета или с футбола. Почти все мои друзья рассмеялись бы, если бы я сейчас обзвонила их и спросила, не хотят ли они со мной выпить.

Семейный круг тоже не представлялся подходящим вариантом. Имоджен и Эд готовились давать какой-то безумный ужин на десять персон. Имоджен отчаянно цеплялась за мысль, что восьмимесячный ребенок не мешает им жить полноценной жизнью. Оставалась Алиса, но я уже отказалась отправиться на концерт в Камден, куда она меня любезно пригласила.

Я взглянула на свою офисную юбку и блузку, размышляя, смогу я изменить свое решение или нет. Не смогу, разве что мне захочется выглядеть не первой молодости фанаткой сериала «Безумцы», стоящей посреди толпы подражательниц Алексы Чанг. Значит, оставались: мама и игра с ней в скрабл, ехать домой одной или же наблюдать, как Бен наберется для того, чтобы начать оскорблять кого-нибудь из начальства, у кого не хватит ума уйти после стаканчика «из вежливости».

– Давай, давай, – уговаривала меня Надя, чувствуя, что я поддаюсь. – Ну хоть на пару кругов.

Я нерешительно посмотрела на нее:

– Последняя «простава», на которой я была, закончилась тем, что парень из отдела продаж въехал башкой в живот директору по маркетингу.

– Да, но если честно, тот целый вечер обхаживал его подружку, и никто и подумать не мог, что они встречаются, потому что она из отдела кадров, а это устраивало старого козла – он же женат. Ну, так что, ты идешь?

Я вздохнула:

– Ладно, но только ненадолго.

– Вот это класс! – Надя расплылась в широкой улыбке, а я каким-то странным образом почувствовала себя старой, выжатой как лимон, и мне вдруг захотелось домой. Где же теперь Марк? Как он проводит вечер пятницы? Нет, это надо прекращать.

Прошло две недели с того вечера, когда я вернулась домой позднее обычного и услышала, как он кричит по телефону на Клодин, причем опять по-французски. У меня упало сердце – то, что я дала ему ключ от дома, обернулось палкой о двух концах. Я села за кухонный стол, налила себе чего-то выпить и принялась слушать, как он орет. Как всегда, Клодин на полуслове сбросила вызов, и я снова слушала, как Марк прошествовал в кухню – все еще в офисной рубашке и брюках – и стал разоряться, как он зол, потому что она забрала детей из школы, чтобы отправить их на экскурсию куда-то в Италию, а он об этом ничего не знал. Клодин не отдает себе отчета в том, насколько она безответственна и эгоистична! Она никогда ни над чем всерьез не задумывается – вот в чем ее проблема. Всегда получала, что хотела и когда хотела. Когда же Клодин поймет, что к ней относятся те же правила, что и ко всем остальным? Она следовала лишь желанию привлечь внимание, зная, что на это последует реакция, что Марку придется позвонить ей.

Он сел, устало уронил голову на руки, и с моих губ сорвались слова:

– Как ты думаешь жить дальше, Марк, пока ты еще женат?

Он поднял голову:

– Ты же знаешь, каких усилий мне стоило заставить ее согласиться на развод!

– Я не говорю о листке бумаги.

– Тогда о чем же? – нахмурился он.

– Первое, что ты мне сказал среди всего прочего, когда мы познакомились, что тебя вполне устраивают отношения с бывшей женой. Прошло восемь месяцев, и я не знаю, как ты теперь это охарактеризуешь, но подобные отношения однозначно не устраивают меня.

Он наклонился ко мне и с жаром ответил:

– Меня данное положение вещей устраивает не больше, чем тебя, но я вынужден говорить с ней. У нас с ней общие дети. Дети, которых я люблю больше всего... или кого.

– Именно так и должно быть, – заметила я. – Сейчас я веду речь о другом.

– Тогда о чем же? – Марк откинулся на спинку стула и закрыл глаза. – Я только что поругался с ней – и с тобой мне тоже нужно поругаться?

Вот она, проблема в двух словах: я всегда была второй по счету.

– До тебя так и не доходит?

– Нет. – Он раздраженно вздохнул. – Послушай, я не понимал, что мы тут связаны временными рамками...

– Этого я тоже не имела в виду.

– Правда? Я сказал, что люблю тебя. Познакомил тебя с детьми... Чего еще ты хочешь, что произошло бы на сегодняшний момент? Чтобы я переехал к тебе? Я перееду!

Воцарилась долгая пауза.

– Ух ты! – наконец воскликнула я. – Вот это романтично. Да, пожалуйста...

– Ладно, извини. Я не хотел, чтобы так все получилось. Помню, что тебе тридцать девять лет, и...

– Что-что? – ахнула я, пораженная в самое уязвимое место.

– Да ладно! – устало бросил он. – Значит, я ошибаюсь? Дело вовсе не в этом?

– По-твоему, я должна замолчать и быть благодарной за все, что получаю? – Я встала. – Знаешь, Марк? Клодин тебя с радостью примет назад.

Я так на него разозлилась, что сказала это на полном серьезе.

– Я не твой бывший, – четко произнес он. – Не моя вина в том, что он оказался бесхребетным ублюдком, у которого не хватило духу признаться, что он никогда на тебе не женится.

Если Марк расценивал это как попытку примирения, то ошибался. Сдержавшись, чтобы меня не перекосило от такой четкой характеристики Джоша, я ровно и спокойно проговорила:

– Намек на то, что я ждала, пока сказочный принц снизойдет до того, чтобы сделать мне предложение, пока «еще не поздно», является в высшей степени оскорбительным. К твоему сведению, я совершенно самодостаточна.

– О господи, – закатил глаза Марк. – Я тоже не желаю выслушивать лекцию Жермен Грир. Я никогда не считал, что ты не самодостаточна. Ты просто переигрываешь.

– Ты сказал именно это. А что касается Джоша, никто и никогда по-настоящему не знает, что происходит во взаимоотношениях других, кроме самих участников этих отношений. Не задирай слишком высоко нос и не думай, будто понял все, что случилось у нас с Джошем, основываясь на тех крохах, что я позволила тебе узнать.

– Но ты прекрасно понимаешь нашу с Клодин ситуацию! – Он снова начал заводиться. – Я не могу с ней расстаться, потому что все еще в нее влюблен... Так ты думаешь? И наплевать, что я вывернулся наизнанку, чтобы получить развод!

– Ты еще злишься на нее за то, что она наговорила, и...

– Чушь собачья! – Марк вдруг вскочил со стула и схватил пиджак. – Я не желаю слушать, как ты мне тут мораль читаешь!

– А я не готова быть чьим-то запасным вариантом! – крикнула я ему вслед, потом встала, подождала... но тут хлопнула входная дверь. В тот вечер он не вернулся.

И на следующий день тоже.

Я не позволила себе позвонить Марку. Я не только чувствовала себя уязвленной, но и считала, что заслуживаю извинений. Я сказала то, что думала: мне не хотелось ощущать себя чьим-то утешительным призом. Не намеревалась снова вступать на эту стезю. Но на следующее утро моя решительность исчезла, когда я получила эсэмэску: «Извини, но я не могу этого сделать. Мне нужно побыть одному».

Все, что мы пытались выстроить за прошедшие восемь месяцев, слои нашей жизни, которые бережно сплетали вместе, – все с треском разорвалось прямо посередине. Я глазам своим не верила, прочитав сообщение. Черт подери, именно такое можно писать после лучшей части года, проведенной вместе? Ему необходимо постоянно находиться одному? Это он хотел сказать? Или Марку нужно время для размышлений? Я сразу попыталась позвонить ему, но он не ответил. Совершенно расстроившись, сообщения я не отправила. Марк явно не желал со мной разговаривать.

Я позвонила Лу:

– Что мне делать? Просто ждать?

– На твоём месте, если бы не получила от него вестей еще пару дней, я бы разорвала отношения.

– Неужели? – Я удивленно вскинула брови.

– Да, моя дорогая Софи, – вздохнула Лу. – Обычно люди оставляют тех, кто плохо с ними обошелся. Они не ждут десять лет в надежде, что все наладится. Я бы прибила Марка за то, что он с тобой сделал!

– Дело было не совсем так. Я сказала ему, что не готова быть чьим-то запасным вариантом. Заявила открытым текстом.

– Ну, это хоть что-то, по крайней мере.

– Но думаю, что могла быть дать ему побольше времени, чем пара дней, а потом посмотреть, что из этого выйдет.

– Наверное, – произнесла она с нарочитой настойчивостью, на которую я намеренно не отреагировала. – Поступай так, как ты считаешь нужным.

Невероятно: прошло две недели, и ничего...

Две недели и один день, если уж совсем точно.

Я оглядела паб, пока Надя призывно размахивала двадцатифунтовой купюрой перед носом скукавшего бармена, который слегка кивал в такт оглушительной музыке, уверенно наполняя из крана стоявшие рядом пивные кружки. Парочка больших бокалов вина, которые мы уже пропустили, начинали потихоньку цеплять, и я ощутила прилив гордости за себя, что не слиняла домой.

– Прошу прощения. – Над нашими головами протянулась рука в пиджаке, чтобы подхватить две кружки светлого, которое пролилось мне на запястье и на ладонь.

– Аккуратнее там! – нахмурившись, воскликнула я... и увидела Рича, мужа Лу, удивленно таранившего на меня.

– Софи! – крикнул он, отведя в сторону руку с кружками, когда чуть наклонился и легонько чмокнул меня. Я уловила запах спиртного и одеколона на сандаловом масле, когда Рич царапнул меня по щеке своей щетиной. – Извини, – кивнул он на пятно у меня на рукаве. – Я уж подумал, что в ухо получу.

Я широко улыбнулась:

– Прощаю. Что ты здесь делаешь?

– Сегодня объявлен окончательный список получателей бонусов в знак признания достижений тех работников отдела продаж, кто превысил свои целевые обязательства.

Я скорчила гримасу.

– Мы всех их притащили сюда, чтобы авансом «отпраздновать» перед официальным оглашением победителей на следующей неделе. Вообще-то неплохая компания подобралась. Двадцать из них из зарубежных филиалов с мужьями или женами отправятся в какое-то экзотическое место на долгие выходные – пятизвездочная гостиница, гольф, спа-салоны...

– А высшее руководящее звено увязывается за компанию?

– Да, – подмигнул Рич. – Хотя Лу уже заявляет, что в этом году не хочет никуда ехать. – Он вздохнул. – Все это будет в Нью-Йорке, а она говорит, что там слишком далеко от детей. Лу тоже сегодня вечером собиралась сюда, но няня почему-то не пришла.

Старая отмазка, чтобы не ходить. Больше похоже на то, что Лу решила всех послать, а сама развалилась в пижаме у телевизора, задрала ноги.

– Вообще-то очень важно, чтобы она пришла – разумеется, не именно сюда, а потому, что жены всех остальных тут. Она сказала, что попытается найти еще кого-нибудь и все-таки вырваться, но... – Рич пожал плечами.

Уж если кто и может в самый последний момент разыскать приходящую няню, так это Лу. Она бы нашла, если б захотела.

Я улыбнулась и дипломатично промолчала.

– А ты-то как? Грустно слышать, что у вас с Марком так все вышло.

Улыбка сползла с моего лица. Я ведь специально предупреждала Лу никому ничего не рассказывать.

– По-моему, ты поступила правильно, Софи. Этот парень – просто козел. Ты что пьешь?

– Спасибо, мне сейчас подруга передаст, – кивнула я в сторону Нади, которая увлеченно с кем-то разговаривала, все еще держа в руке двадцатифунтовую банкноту.

– Ну, давай я тебя пока угощу. Извини, приятель, еще бокал шампанского, пожалуйста, – обратился он к бармену, кивнувшему в ответ.

Рич повернулся и передал кружки, которые держал в руке, плюс стоявшие на стойке, кому-то из своей компании, а потом протянул мне бокал.

– За свободу и новые старты! Ладно, мне пора идти и вести светские разговоры. – Он вдруг помрачнел. – У Лу это получается лучше, чем у меня. Вот чертова няня... Ладно,

увидимся еще! – Рич наклонился и снова чмокнул меня, а потом начал пробираться сквозь толпу посетителей.

– Кто он?.. – приблизившись ко мне, поинтересовалась Надя.

– Рич.

Она смерила меня многозначительным взглядом.

– Нет! – рассмеялась я. – Это муж Лу, моей лучшей подруги.

– Неужели? – Она повернулась и посмотрела на удалявшегося Рича. – По-моему, он себя слишком фамильярно ведет для мужа лучшей подруги!

– Я его сто лет знаю. Мы вместе в университете учились. Я с ним встречалась, прежде чем он переключился на Лу.

– Ага, – удовлетворенно кивнула Надя, словно я только что решила за нее задачку.

– Когда я говорю «встречались», имею в виду двухнедельное увлечение. Да в то время все встречались со всеми. Четыре мои подруги из одного общежития в разное время трахались с одним и тем же парнем – он просто появлялся за завтраком. Но ведь в двадцать лет все так себя ведут.

– Ну, ты-то уж точно! – рассмеялась она. – Вот какие подробности о людях узнаешь! Ладно, держи свою выпивку.

Я замялась, а потом взяла бокал.

– Вы только полюбуйтесь на нее! – воскликнула Надя. – Мадам «Мне сразу парочку». А я-то не понимала, что значит «по одному в руку». Марку нужно тебя почаще отпускать с нами!

Я на мгновение замерла, а затем сделала большой глоток шампанского. Не стану думать о Марке. Надо же, Рич сказал, что он козел. У меня раньше такого впечатления не создавалось.

Чем больше я пьянела от принятого на пустой желудок, тем навязчивее у меня в голове крутились эти слова. А в каком именно смысле «козел»? Я вскочила, оставив позади взрывы хохота от нашего общего стола, и нетвердой походкой отправилась на поиски Рича.

Однако его нигде не было. Посетителей поубавилось, и я решила, что он, наверное, ушел. Раздосадованная, я собралась вернуться к своей компании, как вдруг заметила, что Рич расположился в полутемном кабинете с какой-то симпатичной рыженькой, которая уж никак не была моей лучшей подругой. Они сидели вплотную друг к другу и пили шампанское. Уютненько устроились. Я вспомнила слова Нади о его фамильярности и двинулась к ним.

– Можно тебя на пару слов? – произнесла я ледяным тоном, когда оба они удивленно уставились на меня.

– Конечно, – непринужденно ответил Рич и поднялся.

Я отошла в сторону, налетев на стол, пока пробиралась в другой конец зала, и в этот момент в ярости обернулась, но поняла лишь, что он хохотал.

– Все нормально, Софи? Ты выглядела так, будто пыталась улизнуть от крокодила.

– Что-что?

– От крокодила, – повторил Рич, зевнув. – Они двигаются только по прямой, поэтому, чтобы убежать от них, нужно делать зигзаги. А ты шла таки-и-м зигзагом... – Он чуть покачнулся.

– Ты нажрался! – бросила я. – Причем тут крокодилы?

– Так оно и есть! – возмутился он. – Но мебель тут не бодаю.

Я захлопала ресницами.

– Ну да, только мы сейчас не обо мне. Мы о тебе. Ты там флиртуешь с этой рыженькой, словно Лу и на свете нет.

Улыбка сползла с его лица.

– Чего-чего?

– Я не слепая, Ричард! И четко вижу, что происходит. Давай-ка допивай и живо дуй домой, к жене.

– Да пошла ты! – вдруг взвился он.

Не веря своим ушам, я отступила:

– Что ты сказал?

– Я сказал – «да пошла ты»! Сама не понимаешь, что несешь. Да как ты смеешь, сидя в своей башне из слоновой кости, советовать мне что-то? «Дуй домой, к жене»? Сколько можно мораль читать? И какого черта ты о себе возомнила?

Я впала в какой-то ступор – Рич по-настоящему разозлился. И оказался вторым, кто за несколько недель высказал мне, что я читаю ему мораль. На глазах у меня навернулись слезы, когда стычки с Ричем и с Марком по пьяни слились для меня в одно целое. Я всхлипнула, развернулась и ринулась к своей компании.

Надю, бледную и трясущуюся, словно ее вот-вот вырвет, вели под руки к туалету две девчонки из бухгалтерии, а в это время все скандировали «Бен! Бен! Бен!», когда виновник торжества подряд осушил несколько коктейлей «Егерь Бум», легонько рыгнул, попытался сесть и промахнулся мимо стула.

За последовавшими взрывами хохота никто не заметил, как я подхватила свое пальто и сумочку. Я едва взглянула на двух охранников, которые сказали мне «Спокойной ночи» и запахнули передо мной дверь. Выскочив наружу в холодный февральский вечер, я, обливаясь слезами, отчаянно высматривала такси, которое довезло бы меня до станции. Но машин не оказалось, и какое-то время я просто тупо стояла, не зная, что предпринять.

Двое парней, кутивших у входа, начали с пьяным любопытством разглядывать меня. Вот черт, один из них стал ко мне приближаться. Я нервно двинулась прочь, мечтая, чтобы появилось такси. Мне хотелось домой.

– Софи! – услышала я за спиной чей-то крик, обернулась и увидела Рича, кубарем скатывавшегося по ступенькам паба. Случайный «ухажер» пожал плечами и вернулся к своему приятелю, пока Рич бросился ко мне.

Я нарочно повернулась к нему спиной и зашагала вдоль по улице.

Когда он ринулся за мной, один из парней присвистнул ему вслед:

– Не думай, что тебе нынче обломится! Я бы на твоём месте наплевал.

– Софи, подожди! – Рич, запыхавшись, догнал меня. – Ты куда?

Вообще-то я и сама понятия не имела.

– Господи, ну ты и несешься! – Он схватил меня за руку.

– Отвали! – Я попыталась вырваться.

– Ты что, плачешь? – изумился Рич. – Софи, ты уж прости меня. Я не хотел...

Слишком поздно. Я разразилась еще более шумными, горькими и сопливыми рыданиями, словно у меня разрывалось сердце.

– Иди сюда! – Он привлек меня к себе и обнял, отчего мы оба чуть не упали. – Извини меня. Хотя я с ней и не флиртовал. Я вообще ничего не делал, клянусь!

Мои слезы закатали на лацкан его пальто, когда он начал похлопывать меня по спине, а потом и поглаживать.

– Перестань, а? – попросила я через несколько секунд. – Меня сейчас вырвет от этого.

– Извини, – повторил Рич.

Я отстранилась и устало поглядела на него, слегка прищурившись, когда какой-то идиот в припаркованной напротив паба машине случайно включил все фары.

– Я хочу домой.

– Я тебе такси поймаю. – Он взял меня за руку и потащил по улице. – Вот здесь мы точно его найдем.

Я присела на скамейку и уронила голову на руки, когда все вокруг слегка завертелось, в то время как Рич пытался поймать такси, стоя прямо посреди оживленной улицы и крича «Эй!». Я поняла, что слишком много выпила и мысленно молила бога, чтобы мне полегчало.

– Софи!

Я открыла глаза и увидела Рича, стоявшего у такси-малолитражки с открытой задней дверцей. Я возмущилась насчет безопасности, но он махнул мне рукой:

– Я отвезу тебя домой, а оттуда поеду к себе. Что? Конечно, недалеко. За мой счет. Давай, садись.

Мы оба запрыгнули в машину, и дверца закрылась. Мы двинулись вперед, скользя на плохо подогнанных велюровых чехлах сидений. В салоне остро пахло сосновой хвоей и застарелым табачным дымом. Голова Рича уже валилась на грудь. Я закрыла глаза и изо всех сил сосредоточилась на том, чтобы меня не вырвало, пока желудок перекачивался у меня внутри, словно набитый студнем. По-моему, я очнулась на полпути домой, непонимающе таращась в окно и не узнавая, где же я. Повернула голову и быстро взглянула на Рича, который откинулся на подголовник и храпел.

Прежде чем я снова закрыла глаза, откуда-то из глубин сознания выплыло смутное воспоминание о том, как я двадцать лет назад проснулась рядом с ним, лежа на своей узкой студенческой кровати.

– Я сказал, приехали!

Я резко проснулась, сообразив, что таксист кричит на нас с Ричем. Мы держались за руки. Рич отодвинулся от меня и принялся шарить в бумажнике, ища наличные.

Я выбралась из салона на прохладный воздух и заковыляла по коротенькой дорожке. Казалось, я целую вечность искала в сумочке ключи, а потом не смогла попасть в замок ни одним из них.

– Давай-ка я. – Рич, отчего-то вдруг оказавшийся рядом со мной, протянул руку и взял у меня ключи. Я смущенно поглядела на него и поняла, что такси уехало.

– Это не те, – уверенно заявил он, и все мое внимание вернулось к более важной задаче – как попасть в дом, когда я молча забрала у него ключи и снова принялась тыкать ими в замок.

Замок на мгновение осветила внезапная вспышка света, от которой Рич тихонько выругался и, сморщившись, закрыл глаза, хотя мне почти удалось попасть ключом в замок... Свет неожиданно погас, и мы снова оказались в темноте.

– Включай лампочку, и все увидим, – пробормотал Рич.

– Я ничего не делала. Наверное, соседская кошка задела там у них какой-то датчик.

– Говорю же тебе, это не тот ключ...

– Это мой дом! – Я молча испепелила его взглядом и предприняла еще одну попытку, в результате которой дверь распахнулась.

– Вот! – торжествующе повернулась я к нему.

Рич как-то странно посмотрел на меня, наклонил голову и поцеловал меня в губы.

– Что ты де... – ахнула я, но не успела закончить, как он снова принялся целовать меня.

Я закрыла глаза, и когда мы спиной вперед ввалились в дом, почувствовала, словно мы начали крутиться назад на какой-то карусели. Я неслась мимо струящихся ярких огней и приземлилась двадцать лет назад в своей крохотной спальне в общежитии. Рич лихорадочно стягивал свою белую, обтягивающую футболку на груди с загаром, приобретенным за время академического отпуска, а я вылезала из джинсовых шортиков... Только почему-то мы все-таки оказались не там, а у меня в коридоре, и стаскивала я свою блузку, а Рич – рубашку. Вскоре мы очутились на кровати, но не на тогдашней односпальной, а на нашей с Марком. Я снова ахала, смутно понимая, что мы уже разделись догола и занялись сексом.

Вот в этом я совершенно уверена, хотя подробностей не помню: получилось ли у нас хоть на секунду, кончил он или... Нет, ничего больше не вспомню.

Последнюю часть я Алисе, конечно же, не рассказываю. Это, во#первых, слишком стыдно, а во#вторых – я ее старшая сестра.

– К тому же Рич оказался пьянее, чем я думала, – продолжаю я. – Когда он собирался уходить, я заметила, что мы оставили приоткрытой входную дверь – вот до чего набрались.

– О господи, Софи!

– Да, – шепчу я. – Рич свалил часа в три ночи. Я даже понятия не имею, как он домой добрался. Было просто ужасно. Мы оба проснулись и молчали. Не могли ничего сказать. Лежали как можно дальше друг от друга, а потом он внезапно произнес: «Не хочу оправдываться, но мы с Лу не спали вместе с тех пор, как родилась Тилли. Хотя, думаю, ты это уже узнала».

– А ты знала? – спрашивает Алиса, когда любопытство берет верх.

– Нет! Лу о подобном со мной не откровенничает. Я знала, что она намаялась с рождением Тилли, но понятия не имела, что они три года не занимались сексом.

– Господи! Бедный мужчина! Я в том смысле, что он полный гад, но это надо же... Долго...

– Но у меня-то нет никаких оправданий!

– Нет, – соглашается Алиса, немного помолчав.

– Меня с души воротит от того, что я так поступила и с Лу, и с Марком. Когда Лу еще в университете захотела встречаться с Ричем – а это случилось через сто лет, как мы с ним расстались, – она пришла ко мне и спросила, нормально ли я к этому отнесусь. И добавила, что не станет с ним встречаться, если я вдруг возражаю, поскольку моя дружба значит для нее больше. – Я опускаю голову. – Да, я жутко напилась, однако она не примет это в качестве оправдания, а что до Марка...

– Но ты ведь им ничего не расскажешь? – скептически перебивает меня Алиса.

– Конечно, нет! Мы с Ричем договорились, что об этом вообще никто не должен знать. Мне не надо было даже тебе рассказывать.

– А что произошло с Марком на следующий день? Ты ему позвонила?

– Нет. В тот день он приехал ко мне домой, – тихо отвечаю я, разглядывая сверкающее на среднем пальце кольцо в честь помолвки. – Свалился как снег на голову – не позволил, вообще ничего. Сказал, что извиняется за прошедшие две недели, благодарен мне за понимание, мол, я достаточно хорошо его знаю, догадываюсь, какой стресс он испытал. Ему понадобилось время, чтобы расставить все по своим местам, но он тщательно обдумал ситуацию. Неожиданно Марк опустился на одно колено.

– Ничего себе!

– Я чувствовала себя абсолютно... – Я осекаюсь и сглатываю. – Убитой горем, на самом деле, – продолжаю после паузы. – Марк объяснил, как тяжело было научиться снова кому-то верить, ему приходится думать не только о себе, но и о детях. Им уже пришлось столько пережить... – Я поднимаю на нее полные слез глаза.

Алиса протягивает руку и крепко сжимает мою ладонь.

– Ты влюблена в Рича? Наверное, да, иначе бы не допустила того, что произошло. Это не в твоём характере. Может, поэтому ты так разозлилась, увидев, как он флиртовал с той женщиной в...

– Да не влюблена я в него! Двадцать лет прошло. Если бы мы питали друг к другу какие-то тайные чувства, они бы давным-давно проявились. Произошло удивительное стечение обстоятельств, и я знаю, что как бы нелепо это ни звучало, но... я просто не смогла ему противиться.

– Но ты допускаешь, что могла сказать Марку «да», потому что ощущала груз вины, который и толкнул тебя на это?

– Ну... – Я вдруг чувствую себя очень уставшей. – Возможно, но... – Письмо все так же лежит у меня в сумочке. – Сейчас все мои мысли не об этом, и...

– Нет, Софи! Ты не понимаешь! – Алиса вдруг с яростью бормочет себе под нос: – Я так и знала! Говорила же я ему, что это никудышная затея.

Я недоуменно таращусь на нее:

– Кому говорила... Что никудышная?

– Я должна тебе кое-что сообщить. Они все с ума сойдут, но я не могу... особенно после того, что услышала от тебя. Не сказать – страшная ошибка.

– Ты о чем? – медленно произношу я, на мгновение поддавшись безумной мысли, что сестра знает о письме.

– Сегодня вечером банкет, – говорит она. – Это не празднование дня рождения, а свадьба. Твоя свадьба.

Глава 5

Я таращусь на нее, не веря своим ушам.

– Что? Разумеется, это не свадьба.

– Марк сказал, что хочет сделать для тебя нечто по-настоящему романтическое. – Алиса испуганно смотрит на меня. – Он это все и организовал.

– Не-ет, – медленно тяну я. – Ты ошибаешься. Мы не можем пожениться. Он еще с Клодин не развелся.

– Развелся! – возражает Алиса. – Все закончилось месяц назад. Марк позвонил маме, мне и Имоджен, а потом пригласил нас на ужин. Признался, что есть у него одна идея, и поинтересовался, что мы насчет этого думаем. Он хотел сделать тебе сюрприз, устроив в день твоего рождения настоящую свадьбу. Имоджен расплакалась, твердила: «О господи, прямо как в кино».

– Но ведь нельзя же устроить свадьбу от чьего-то имени! – вскрикиваю я. – Надо обоим лично подать заявки на заключение брака в отдел регистрации, чтобы все было по закону.

– Вот и мама то же самое сказала, но Марк заверил, что ты уже это сделала. После того как вы ездили в «Голдгерст-парк» посмотреть возможное место проведения свадьбы.

Я сразу вспоминаю тот день, о котором говорит сестра, и ахаю, понимая, что она права.

– Все прекрасно, – сказал тогда Марк распорядительнице свадеб, пока я, раскрыв от восторга рот, ходила по танцевальному залу в стиле ар-деко. – Полагаю, что, как только мы узнаем нужную нам дату, мы сможем внести депозит?

– Вообще-то у нас все занято до конца года и довольно плотно на начало следующего, – виновато ответила она. – Хотя иногда кто-нибудь в последний момент все отменяет. Если вы уверены, что хотите отпраздновать свадьбу здесь, то лучше подать заявку сейчас. На случай, если что-то вдруг изменится.

– А вы сможете это устроить? – нахмурился Марк.

– Да. Просто скажите регистратору, что у вас, например, все заказано тут на третье сентября или на какой-то другой день. Вам выдадут разрешение, которое привязано к месту проведения, однако потом вы сможете использовать его в любой появившийся в следующем году день.

Звучало здраво, так что мы записались на прием в отдел регистрации, но услышали там, что Марку необходимо предоставить письменное свидетельство о завершении бракоразводного процесса.

– Моя жена согласилась на проведение процедуры, – заявил Марк.

– К сожалению, – возразили в отделе регистрации, – нам нужны документы на бумаге. Мы можем принять заявку у Софи и дать ей ход, однако вам, Марк, придется подождать, пока не предоставите необходимые документы.

– Вообще-то, – вспоминаю я, – вскоре после этого Марк сообщил мне, что Клодин в очередной раз отменила решение о разводе. Я не удосужилась уведомить отдел регистрации, чтобы аннулировать свою заявку. Если честно, просто забыла.

– А вот Марк не забыл! – резко бросает Алиса. – Когда Клодин наконец-то дала ему развод, он все проверил, выяснил, что твоя заявка одобрена и ждет своего часа, и подал свою! Ты бы его видела – он был вне себя от радости и возбуждения. Ко времени приглашения нас на ужин он уже успел назначить день в «Голдгерст-парке», выбрал цветочную фирму, прослушал музыкантов... и даже присмотрел тебе кое-какие платья.

– Но он даже приблизительно не знает, какой у меня размер!

– Все он прекрасно знает!

Я едва не падаю в обморок, наклоняюсь вперед и закрываю лицо руками.

– Месяц назад Марк разослал приглашения. Для ответов и подтверждений завел ящик по адресу не_говорите_софи@gmail.com. Он пригласил всех твоих друзей и подруг. Мы с Имоджен помогли ему составлять список гостей, – тараторит Алиса, чистосердечно признаваясь во всем. – Пока ты спала, Марк стянул твой телефон и выяснил их номера...

Господи, даже я не знаю, кто у меня в списке контактов. Я ушам своим не верю.

– Он попросил маму записать тебя к стилисту, чтобы сделать прическу и макияж. Заказал кольца – они были в работе. Да и Лу ему очень помогла, – добавляет сестра, скривившись.

Я снова сажусь прямо и таращусь на стену, где висит репродукция картины Густава Климта «Поцелуй».

– Софи, прости, прости меня, – продолжает Алиса. – Если бы я хоть что-то знала о вас с Ричем, я бы никогда на это не пошла. В том смысле, что сначала я сказала маме, что, по-моему, вся эта затея какая-то «подконтрольная». Мама объяснила, Марк не может избавиться от адвокатской педантичности и страсти к деталям, а Имоджен напомнила, что ты хотела выйти за него замуж, когда вы были в «Голдгерст-парке». И ты так намучилась с этим дуболомом Джошем, который практически писался, если ты пыталась взять его за руку... Имоджен говорила, что ты заслуживаешь пышного праздника, а я подумала, что если жених намерен всем продемонстрировать, как сильно любит невесту, и устроить ей торжество, то это хорошо, правда? Он хочет, как только ты приедешь, настезь распахнуть перед тобой двери, а оттуда ты пойдешь вроде как прямо под венец...

– Сегодня вечером я выхожу замуж, – наконец удается выдать мне.

– Да, – кивает Алиса. – Мне и в голову не приходило, что ты не должна выходить за него. Вы же недавно обручились! Я...

– Да ты не виновата. А где Марк сейчас? – интересуюсь я. – Надеюсь, не в командировке в Берлине?

Сестра качает головой.

– Он так сказал на случай, если ты позвонишь ему и услышишь международный гудок. Марк отправился во Францию за Изабель и Оливье. Не надо мне было ввязываться в это дело! Ты взрослая женщина, и с чего это мы вдруг решили, что ты...

Но я ее уже не слушаю, потому что понимаю: все становится на свои места.

– Клодин знает о том, что намечено на сегодняшний вечер?

– Да. Не волнуйся, Марк посоветовался с ней, как об этом сказать детям. Он говорил, что когда Клодин осознала, что вы действительно решили пожениться, то перестала противиться.

Я недоверчиво гляжу на Алису. Уж кто-кто, а Клодин и ей подобные просто так не сдаются. Последние семь месяцев эта женщина занималась лишь тем, что отравляла мне жизнь. Они действительно поверили, что она просто так отступится, пожелав нам с Марком жить долго и счастливо?

Через двадцать четыре часа я выхожу замуж, а бывшая жена моего жениха присылает мне письмо, которое я должна открыть в присутствии дорогих мне людей.

– Я жутко себя чувствую, – признается Алиса. – Чем я могу помочь? Кому-нибудь позвонить? Или лучше оставить тебя в покое, чтобы ты могла обдумать, как все это обыграть и что ты собираешься сказать Марку?

«Даже и не думайте, чтобы не появляться... Я обязательно вас найду».

Я хватаю сестру за руку:

– Я хочу, чтобы ты никому не говорила, что мне известно о свадьбе. Это очень важно. Это просто убьет Марка после всех его стараний и трудов. Никто не должен знать!

– Но ты же не собираешься доводить это дело до конца? Софи, так нельзя! Два месяца назад ты переспала с мужем лучшей подруги! Ты уж меня извини, но это чересчур.

– Мне понадобится твоя помощь, чтобы убедиться в том, что никто и не подозревает, будто я что-то знаю. Ни Имоджен, ни мама – особенно мама! Никто, ясно? Обещаешь?

– Но ты только что призналась, что сама не уверена, правильно ли поступила, сказав Марку «да»!

Я смотрю на сестру. Неудивительно, что она паникует – я бы тоже запаниковала, если зеркально повернуть ситуацию. Но Алиса не понимает главного. Я должна быть там. У меня нет выбора.

И ей вообще-то не надо ни о чем волноваться. У Клодин нет ни малейшего намерения позволить церемонии состояться. Она уверена: что бы в письме ни содержалось, этого вполне достаточно, чтобы расстроить свадьбу.

Глава 6

Я лежу в кровати, уставившись в потолок широко раскрытыми глазами рядом со вздрагивающей Алисой и жду, пока она крепко заснет. Марк организовал нашу свадьбу, а его бывшая жена-психопатка доставила мне домой письмо через какого-то громилу, в чьем телефоне красовалась фотография моей малютки-племянницы. Что же, черт возьми, в самом письме? Я знаю, что Клодин хочет вернуть Марка – она не раз и не два заявляла это. Скорее всего, полна решимости или унижить бывшего мужа, чтобы мне захотелось его бросить, или же сделать что-либо еще, что заставит Марка отказаться жениться на мне.

У меня замирает сердце. Рич. Но откуда Клодин знает, что мы натворили? Я никогда ее не видела, да и живет она во Франции. До сегодняшней ночи я не рассказывала о случившемся ни одной живой душе. Вот если только Рич кому-нибудь проболтался... Но он на такое не решился бы. Ему терять куда больше, чем мне. Лу и дети значат для него все.

Я поглядываю на светящийся в темноте будильник Алисы: двадцать минут пятого. Я обязательно должна выяснить, говорил ли он хоть кому-нибудь. Я смотрю на Алису, уже мирно посапывающую, и очень осторожно, чтобы ее не потревожить, откидываю одеяло и выскальзываю из постели.

Пока я пробираюсь к двери, натыкаясь на какие-то валяющиеся на полу вещи – среди прочего перевернутая щетка для волос и разбросанные книги, – мне в голову приходит одна мысль, и я обхожу кровать, чтобы взять мобильник сестры, прежде чем добираться до выхода и тихонько проскальзываю в коридор. Войдя в гостиную, щелкаю выключателем, закрываю дверь и осматриваюсь.

В квартире Алисы царит привычный беспорядок: на полу кучей валяются разбросанные журналы вперемешку с нераспечатанными письмами и парой сброшенных впопыхах туфель рядом с забытой грязной тарелкой и стаканом, но мне удастся разглядеть ее лэптоп, лежащий на ковре рядом с диваном. Пока он оживает с тихим жужжанием, я набираю 150 на мобильнике Алисы и после нескольких машинальных щелчков добираться до опции «Пропаж и кража».

Кто-то спрашивает меня, чем может помочь с моим номером, словно на дворе вовсе не четыре часа утра. Я уже собираюсь сказать, что у меня украли телефон, как вдруг понимаю, что это может быть чревато необходимостью ссылки на заявление в полицию, что подразумевает наличие обращения туда. А я едва ли смогла бы это сделать без разъяснения обстоятельств пропажи.

– Да, здравствуйте, – тихо говорю я. – Я звоню, потому что нигде не могу найти свой телефон, и пока не разыщу – вполне вероятно, что его действительно похитили, – вы не могли бы заблокировать его? Я звоню не со своего номера.

Я называю им первые две буквы своего пароля – девичьей фамилии мамы, – после чего меня спрашивают, хочу ли я заблокировать все входящие и исходящие звонки по сим-карте или все исходящие звонки и сообщения, а также не хочу ли я заблокировать и сам телефон?

– А вы можете заблокировать все сразу, пока я не найду телефон? – Мне не хочется, чтобы тот тип смог видеть мои сообщения. Почему я не поставила туда более сложный пароль, чем четыре первые цифры моей даты рождения? – Со вчерашнего вечера не было никаких звонков или были? – спрашиваю я, замерев в ожидании жуткого ответа.

Однако, к моему удивлению, мне сообщают, что последний номер набирали вчера вечером в половине одиннадцатого. Это я звонила Марку, чтобы пожелать ему спокойной ночи, так что пароль, наверное, сослужил свою службу.

Я блокирую все и, как только заканчиваю вызов, поворачиваюсь к компьютеру, для которого, к счастью, пароль оказывается не нужен. Вбиваю в поисковой строке «Фейсбук», и страница загружается уже с профилем Алисы.

Нам с сестрой нужно начать серьезно относиться к безопасности.

Я захожу в свой аккаунт, а потом набираю «Ричард Хендерсен» в окошке «Поиск людей, мест и фотографий». У Рича на заставке его фото с девчонками и Лу, сделанное во время их последней поездки в Испанию. Все они счастливо улыбаются. Я щелкаю по кнопке «Оставить сообщение». «Ты ничего не сказал, да?» И никаких поцелуйчиков. Я нахмуриваюсь и перечитываю написанное. Больше ничего добавлять не стану. Я не намереваюсь подставлять себя в письменной форме, и, если по какой-то невообразимой случайности Лу это и увидит, мы сможем отговориться.

Я чуть откидываюсь назад и пристально смотрю на экран. Пока больше ничего сделать не могу. Пора возвращаться в кровать. И все же я мешкаю и вместо этого набираю в поиске «Клодин Дюбуа».

Она сменила фотографию в профайле. На этой она в каких-то огромных и комичных розовых очках потягивает коктейль. Женщина, нанявшая кого-то, чтобы тот вломился ко мне в дом. Я понятия не имею, как можно выйти на профессионала подобного уровня. Нельзя же просто набрать слово «киллер». Клодин работает в мире, который, помимо всего прочего, включает яхты, частные самолеты, очень богатых партнеров и клиентов, и я уверена, что она вращается в кругах, где привыкли действовать, не оглядываясь на закон. Однажды Марк рассказал, как один из боссов Клодин пригласил их на денек поплавать на яхте на юге Франции. Все дремали и загорали после обеда, приготовленного персональным шеф-поваром, когда Марк встал и начал искать туалет – и своими глазами увидел, как босс спокойно скинул лэптоп за борт в морские глубины, пока яхта величественно рассекала волны.

– А как отреагировала Клодин? – спросила я.

– По-моему, она сказала: «Такое бывает».

Я скорчила гримасу:

– Только не с нормальными людьми. Интересно, какие в этом лэптопе скрывались секреты?

Марк посмотрел на меня и рассмеялся:

– Ладно тебе, Джейсон Борн. Скорее всего какие-нибудь хитрые налоговые схемы.

– Это ты так говоришь, – возразила я, – а вот я тут на днях читала интервью с одной девушкой из Италии. Ей позвонил какой-то гангстер и потребовал, чтобы она выплатила все долги своего бывшего мужа за наркотики, иначе он нанесет ей визит. А потом она позвонила другу семьи со связями – цитирую – «в бизнесе по исчезновению людей». Через полчаса позвонил первый тип, извинился и заверил, что больше никогда ее не побеспокоит... Босс Клодин мог хранить в том компьютере информацию, от которой зависит жизнь или смерть.

Марк усмехнулся:

– Девица все выдумывала. Любой, кто в действительности с этим связывался, вряд ли станет болтать в газетах.

– Я уже говорила: пропасть между суперэлитой и остальными становится глубже и шире.

– Не отрицаю твоей правоты. – Он потянулся и зевнул. – Люди, обладающие обширными финансовыми ресурсами, действительно подходят к жизни иначе, чем ты или я. Именно подобный подход заставляет клиентов думать, что, если они платят за мои услуги четыреста пятьдесят фунтов в час, это дает им право звонить мне в любое время дня и ночи, по выходным – когда захочется. Деньги обеспечивают свободу, молчание и анонимность.

– А тебе приходилось ради клиента сталкиваться с темными делишками?

Марк ущипнул себя за нос, но потом снова посерьезнел:

– Разумеется, нет. Все британские юристы придерживаются строгого кодекса поведения. Мы обязаны поддерживать власть закона и способствовать должному отправлению правосудия. Если я совершу преступление, то больше не смогу практиковать. Ни из-за какого клиента не следует рисковать карьерой.

Марк из тех, кто высоко ценит честность. Я осознаю, что не уничтожила свое сообщение Ричу, и виновато возвращаюсь к нему, наблюдая, как исчезают его следы. Закрываю компьютер и просто сижу. Это не я. Я никогда в жизни так себя не вела. Марк сейчас где-то там, далеко, уехал забирать детей, которые с нетерпением предвкушают свадебную церемонию. Мне приходится закрыть глаза, чтобы избавиться от этой картины.

Я вижу первые блики зари и, устало взглянув на тонкие занавески, вижу, что уже начинает светать. Я откидываю голову на спинку дивана. Марк скажет Изабель, что та может стать подружкой невесты. Я прижимаю пальцы к вискам и вспоминаю Иззи такой, какой видела ее месяц назад, в последний раз: вбегающей со счастливой улыбкой в их с Оливье комнату в доме, чтобы убедиться, висит ли еще стайка из четырех маленьких рыб, которые мы делали вместе. Это мама помогла мне придумать то, чем мы смогли бы заняться вместе. По ее предложению я купила фетр радужной расцветки, блестки и разноцветные шарики с дырками, думая, что сумеем сделать Изабель рюкзачок. Но у сестры появились другие мысли, отсюда и рыбки, свисающие теперь с потолка. Она хихикнула, когда я набивала их ватными шариками, а один выпал из дырки моей дилетантской стежки. Эти звуки словно высветили меня изнутри, отчего я улыбнулась, а она ответила мне стеснительной улыбкой. Теперь рыбки – первое, к чему Изабель бежит, приезжая ко мне. Иногда я захожу в комнату и просто гляжу на них, на сверкающие в темноте блестки, отражающие свет уличных фонарей, чуть подрагивающие в пустой и тихой комнате в ожидании ее возвращения.

У меня вдруг замирает сердце. Все произойдет в присутствии детей. Разве Клодин этого не учла? Одно это меня унижит – позволить своим детям все это лицезреть. Она же не сможет в чем-то меня уличить, если я не совершила ничего плохого. Неужели Клодин не подумала, какую травму это им нанесет? И Марку. Господи, Марк!

Все случившиеся за последние два месяца незначительные эпизоды получают свое объяснение: почему он настаивал, чтобы мы отпраздновали мой день рождения в «Голдгерст-парке». «Это идеальная возможность проверить их и убедиться, что сервис там действительно на высоте, как утверждают». Почему настоял на строгом вечернем костюме: «В наши дни никто так не наряжается. У тебя должен быть по-настоящему великолепный вечер».

Я немного увлеклась этой идеей и подумывала о том, а не обыграть бы, ко всеобщему веселью, тему моих сорока лет и сороковых годов.

– Понимаешь, платье а-ля сороковые – мне же сорок.

– Да, я уловил, – улыбнулся Марк. – Но я этого бы не делал. Люди терпеть не могут всякие маскарады. Лучше не рисковать.

Он даже мне платье купил – и это человек, который клеймит шопинг как «идеальный способ отправить дивный день к чертям собачьим». Я всегда считала, что покупка свадебного платья включает мои выходы из примерочной в наряде, от которого мама и сестры stanno охать и ахать, но от одной мысли, что вместо них он будет тщательно выбирать что-то для меня, хочется плакать. Это убьет его наповал.

Как, каким образом Клодин захочет это заново проделать с Марком? Неужели она верит, что если расстроит свадьбу, то он вернется к ней? Или это просто ненависть: «Не достался мне, так не доставайся же никому».

Мое сердце начинает колотиться от внезапно охватившей паники. А вдруг это писембомба? Я снова хватаюсь за компьютер и читаю:

«Обратите внимание на размер конверта. Письма-бомбы бывают небольшими, но едва ли могут содержаться в плоских или тонких конвертах. Обычно письма-бомбы пухлые, с неравномерными выпуклостями. Если оно открыто или надорвано, видите ли вы торчащие провода? Если да или если сквозь упаковку сочится масло, немедленно отойдите как можно дальше».

Торчащие провода? Вы серьезно? Звучит почти как в мультфильме. А конверт действительно плоский и тонкий. Я начинаю немного успокаиваться, понимая, что в любом случае Клодин вряд ли послала бы мне что-то, что может взорваться, когда я вскрою конверт. К тому же в этот момент со мной рядом могут стоять Оливье и Иззи. Она не настолько безумна.

Я тру руками глаза. Я вымотана, но нет ни малейшего шанса, что удастся заснуть. Тянусь за одеялом и укрываюсь им. Меня навязчиво преследуют мысли о Лу и ее детях. Что сделает моя лучшая подруга, узнав, что я переспала с ее мужем? Я снова думаю о Риче, о нас, державшихся за руки в такси. Это я была? Я толкнула Рича на неверный шаг? Или же он? Намеревался ли Рич снова начать все сначала? Я вздрагиваю при одном воспоминании о том, как он голышом вылезал из моей постели. Наверное, я запала на его высокую, подтянутую фигуру – от этого, похоже, тот мой давний бзик по нему, – но когда это все было, прости, господи. Марк шире в плечах и коренастее: результат регулярного посещения спортзала и студенческой игры в регби. Мне нравится чувствовать себя хрупкой и защищенной всякий раз, когда он обнимает меня.

– Ты в безопасности, – смеется Марк. – Я всегда приду тебе на помощь.

У меня сердце разрывается на части при мысли, что он, такой мужественный, поверяет за ужином свои задумки моей маме и сестрам. Мы слишком много времени провели в своем тесном женском кругу – три дочери и мама, – так что то, с какой деликатностью он все это преподнес, в первую очередь спросив их разрешения, четко вписывается в общую картину.

Как же я могла оказаться такой тупицей? Одно дело – верить, что Марк меня бросил, но закатиться в постель именно с Ричем?.. Я давно уже не девчонка, и в подобных способах самоутверждения не нуждаюсь. Что я скажу Марку и Лу? Напилась? Это объяснение станет для них пустым звуком, и я не уверена, что оно даже меня устраивает. Все, что увидит Марк, – вновь повторяющиеся проделки Клодин, но на сей раз в моем лице. А Лу решит, что эта связь тянулась многие годы и ее семейная жизнь представляет собой одну большую ложь.

Клодин наверняка установила за мной наблюдение. Это единственное логичное объяснение тому, как она все узнала. Если у нее хватило дурости нанять кого-то, чтобы тот посреди ночи вломился ко мне в дом, то и на это у нее тоже, наверное, достанет «шизанутости».

Я вздрагиваю. Завтра к этому времени я все выясню. Все раскроется и отыграется.

Все закончится.

Глава 7

– Динь, динь, колокольчики звенят!

Я моргаю и поворачиваю затекшую шею. В комнату wpłyвает Алиса, нерешительно нависающая надо мной с чашкой чая в руке.

– Ты что здесь делаешь на диване, дурочка? – Она протягивает мне чашку, ожидая, что я возьму ее. – Ой, нет, я что, храпела?

Чуть вздрагивая, я медленно приподнимаюсь и тянусь за чашкой, обжигающей руки.

– Нет, все нормально. Просто не смогла уснуть.

Сестра забирается на край дивана, прижимает колени к груди и смотрит на меня.

– Неудивительно. Ты все еще уверена, что хочешь это сделать? – Я киваю, а она вздыхает. – Точно, Софи?

– Нисколько не сомневаюсь, – широко улыбаюсь я.

Возникает пауза. Алиса снова вздыхает и произносит:

– Ну, тогда ладно. Со свадьбой тебя. Возьмешь его фамилию? – Она вдруг дергается, толкнув мои ноги и плеснув обжигающим чаем мне на колени. – Ой, извини. Или дома ты будешь Тернер, а на работе останешься Гарденер?

– Не знаю.

– Я вообще-то понятия не имела, сколько всего тебе нужно будет поменять: банковские карточки, паспорт. Хотя паспорт все равно надо бы заменить, к твоему сведению. Фотка там у тебя просто жуткая. – Сестра в ужасе закрывает руками рот. – Господи, да что же со мной такое? Словно печать какую-то сломала, и меня пробрал словесный понос. Я ничегошеньки не знаю о твоём медовом месяце. Кстати, – торопливо добавляет она, – я уже сообщила маме и Марку, что ты здесь и что ты потеряла телефон.

– У них все нормально?

– Да. Марк отписался, что скоро тебе позвонит, а мама немного разозлилась насчет завтрака с шампанским для тебя и для нее, когда я сказала, чтобы она привезла все сюда. Мама подъедет примерно через полчаса.

– А который сейчас час?

– Половина девятого.

Сердце подпрыгивает у меня в груди. Уже? Я закрыла глаза лишь в шесть утра, а кажется, что всего пять минут назад.

– Она придет, и мы поедем, – продолжает Алиса, критически осматривая что-то на ногте. – Мама, наверное, захочет вернуться к тебе домой. Она кое-что организовала.

– Что именно?

Алиса качает головой:

– Нет, больше я тебе ничего не скажу. Я уж и так слишком много разболтала, пусть хоть что-то останется. Сегодня тебя ждут сюрпризы.

Уверена, что они уже начались: спасибо, Алиса.

– Можно я попользуюсь твоим лэптопом? – спрашиваю я, и сестра кивает, вставая с дивана.

– Мне в заведение сбежать надо. Оставлю тут мобильник, если вдруг Марк позвонит. – Она лезет в карман халатика, вытаскивает телефон и аккуратно кладет его на подлокотник дивана. – Компьютер вон там, – Алиса показывает на место, где я оставила его выключенным три часа назад, и медленно выходит из комнаты.

Я отодвигаю свою чашку и тянусь к компьютеру.

Кажется, что он загружается целую вечность, и, как только загрузка заканчивается, я сразу открываю свои сообщения в «Фейсбуке». Он ответил. «Конечно, нет. Сейчас же все

сотри». На подлокотнике дивана с легким жужжанием оживает мобильник Алисы, отчего я нервно подпрыгиваю. На дисплее высвечивается «Марк». Держа на коленях лэптоп с сообщением Рича, я протягиваю руку и отвечаю на звонок.

– Марк, это я. – Я стараюсь говорить спокойно.

– С днем рождения тебя, с днем рождения тебя! С днем рождения, милая Софи-и-и, с днем рождения тебя! – радостно поет он. – Утро доброе! Как ты?

– Хорошо, спасибо.

– Кроме потери телефона, – сочувственно замечает он. – Что случилось? Он же обычно чуть ли не приходит к тебе. Что, однако, очень удобно для репортеров. Я позвонил тебе сегодня утром до того, как получил сообщение Алисы, и услышал, что номер недоступен.

Ну, хоть это чуть-чуть утешает.

– Да, – выдавливаю я.

– Еще не хватало, чтобы кто-нибудь нашел его и увидел, сколько ты должна по счету, – шутит Марк. – Ну что, ждешь торжества?

– Очень.

– Я тоже. – Его голос звучит счастливо.

Я закрываю глаза и снова вжимаюсь в диван.

– Как там в Берлине? – тихо спрашиваю я.

– Нормально! – пренебрежительно бросает он. – Правда, с вылетом получается сложнее, чем я думал. Мне бы очень хотелось сначала встретиться с тобой, но придется ехать на банкет прямо из аэропорта. Ничего?

– Конечно, – отвечаю я. Похоже, Марк хочет, чтобы дети пришли в себя и поздоровались с гостями до моего прибытия.

– Правда? – В его голосе звучит легкое удивление. – Ты не возражаешь?

Я сажусь чуть прямее.

– Ну, это немного в стиле Джеймса Бонда, – быстро добавляю я в свою интонацию немного напускной раздраженности, – но я едва ли могу что-либо поделать. Лучше купи мне хороший подарок.

– Не беспокойся! Ты останешься довольна.

Вот теперь я убеждаюсь, что к чему, слышу, что Марк едва сдерживает радостное возбуждение. Было ли это так в последние полтора месяца, а я просто ничего не замечала? Или же он пытается скрыть его лишь сегодня, когда наступил день торжества?

– Я люблю тебя, Софи, – вдруг произносит Марк. – Ты же знаешь, да? Делаешь меня намного счастливее, чем я мог представить.

Я бросаю взгляд на сообщение Рича и жму «Удалить», словно Марк может что-то увидеть по телефону.

– Я тоже тебя люблю. Слушай, мне пора идти. Мама собирается на завтрак, а я еще не одета.

– Желаю хорошего дня. Развлекайся, отдыхай, а я прилечу позднее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.